

— Встать, суд идет!

В душном помещении находится всего несколько человек: подсудимый с конвоирами, двое свидетелей, молодой участковый, адвокат, прокурор плюс два практиканта из Саратовского юридического университета. Дело будничное и скучное.

«Гражданин Д., находясь в нетрезвом состоянии, влез по пожарной лестнице в окно квартиры гражданки М., каковая в это время ушла в магазин за хлебом. Д. взял из квартиры деньги в размере 48 рублей и ценные вещи, как то: магнитофон «Маяк» 1967 г. выпуска, телефонный аппарат, четыре фужера хрустальных, вазу для цветов деревянную, с росписью под хохлому, завязал все это в скатерть и пытался совершить кражу. Но, сбегая по лестнице, поскользнулся, упал и сломал ногу. Вышедшие на шум соседи вызвали наряд милиции, которая и доставила похитителя в отделение, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. От признания себя виновным гражданин Д. отказывается, ссылаясь на то, что был пьян.

Материалы по делу предоставлены участковым Серпуховского отделения милиции г. Москва.

Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н. И.».

Суд выносит приговор, осуждая виновного по статье № 158 «Кража со взломом» к лишению свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии обычного режима. Подсудимый вскакивает с места и кричит:

— Не виноватый я! Бес попутал...

— Ку-ка-ре-ку!

Опять тот же сон... Что за напасть? Третий раз за последнюю неделю. Никак не могу толком выспаться... Это было мое первое

дело. Особо я себя ничем тогда не проявил, запомнилось лишь потому, что первое и... последнее — в том мире. А солнце уже пробилось сквозь ставни терема и теплым лучом щекотало ресницы. Не хочу вставать...

— Ку-ка-ре-ку!

Уф... убью я этого петуха. Сегодня же скажу Яге, чтобы она из него суп сварила. Никакого сострадания к работникам милиции — будит, зараза, в пять утра!

— Никитушка-а...

Ну вот, легка на помине!.. Сейчас скажет, чтоб я, касатик, встал, что завтрак на столе, что бумаги царевы еще с вечера не разобраны, и пошло-поехало... В гроб она меня вгонит своей заботой.

— Никитушка... Вставай, касатик, завтрак уже на столе. Самовар кипит, блинчики горячие, а я сметанку из погреба достала. А то ведь сам знаешь, бумаги-то царевы со вчерашнего неразобраны лежат. Нехорошо... А то ить, как осерчает царь-батюшка, он у нас на расправу крут, ведь не сносить тебе головы, сокол ты наш ясный.

— Ох, бабуля... — Я сладко потянулся под пестрым лоскутным одеялом. — Что ж ты меня с утра пораньше да все запугиваешь? У нашего Гороха на все царство-государство только один младший лейтенант милиции. Не будет меня, кто здесь еще работать станет?

— И не говори, голубчик, окромя тебя-то, уж точно некому, — любезно поддержала меня Баба-яга, но линию своюгнула твердо: — А ты все равно вставай. Чай, не забыл, что Гришка с Никишкой с вечера в порубе сидят, твоего разбирательства ждутся.

Вот так... Не мытьем, так катаньем, но бабка своего добьется. Да я и спорю-то больше для проформы. Ясное дело, что поспать больше все равно не удастся. Ладно, пойду съем чего там наготовили и — за дела. Никишка с Гришкой — это два лопуха из соседней Подберезовки. Вчера упились медом у ярыжки — и давай прохожих задирают. Народец здесь нетрусливый, повязали охломонов да к нам в холодную. Ну ночку они в порубе провели, протрезвели, образумились. Выпускать их надо, к лешему, Митяй обоим по затылку даст — и на свободу с чистой совестью. Я встал, распахнул окно, сделал несколько коротких гимнастических упражнений. Хорошо!.. Умылся в лохани, снял с гвоздя чистое полотенце, вышитое крестиком, вытерся, натянул форму и спустился вниз. Моя домохозяйка хлопотала у широкого стола. На белой скатерти был приготовлен настоящий пир — здоровенная гора

блинов, две миски — с медом и сметаной, клюква моченая в туюске, парное молоко в крынке и непременно самовар.

— Ну, бабуся, ты у меня просто прелесть! — Я чмокнул старушку в щеку и бухнулся на скамью. — Сейчас поем, а потом быстро за дела. Митяй еще не подошел?

— Как не подошел, касатик? Он еще до петухов на завалинке сидел, все тебя дожидался.

— Буду... скоро буду... — прочавкал я.

Яга присела на табуреточку у печки, не сводя с меня умиленного взгляда. Должен признать, что царь проявил редкую проницательность, поселив меня на квартиру именно к Бабе-яге. Старуха давно скучала одна, замужем не была сроду, ни детей, ни плетей — вот и изливала на мою скромную особу весь запас нерастраченной материнской нежности. К тому же в деле сыска была просто бесценным информатором. Откуда что знала — ума не приложу...

— Никитушка... Я вот все спросить хочу, а почему ты каждое утро к столу при всем параде выходишь, а?

— Не при всем... китель и фуражка остались в сенях. А форма нужна для солидности. Ты ж знаешь царских гонцов — ни свет ни заря все ломаются со своими депешами. Не могу же я их в рубахе да подштанниках встречать? Уважать перестанут.

Я врал. Просто милицейская форма — это то небольшое, что еще связывало меня с моим миром. Уже почти два месяца как я заброшен в сказочную страну, неизвестно какое царство-государство, и несу привычную службу по охране закона и порядка. Живу в столице, большом по здешним меркам городе под названием Лукошкино. Правит им царь Горох. Крепкий неглупый мужик с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой. Правда, воеводствовать мне особенно не над кем. Вон разве что Митяй... Этого парня мне дали в нагрузку, попросили пристроить к делу. Сам он из деревенских, двадцати трех лет от роду, росту два метра да в плечах полтора, силища немереная, храбрости хоть отбавляй, единственное, чего нет, — так это ума. Во всем прочем — отличный исполнитель и слушается меня, как родную маму.

— Никитушка, — прервала мои воспоминания бабка, быстрым шагом семеня к окну, — а ты ить прав был, вон они, настырники, едут! Видать, у царя опять случилось чего. Ох-ох-ох, дела наши грешные... И поесть-то спокойно не дадут.

— Ладно... — Я отодвинул миску с медом. — Бабуль, сделай мне по-быстрому стаканчик чаю, а там уж так и быть, пусть войдут.

Из-за окна раздался нестройный шум голосов:

— А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.

— Обождет, — невозмутимо отвечал бас верного Митяя, — батюшка воевода милиции еще завтракать изволют.

— Так ты, деревенщина, нам еще указывать будешь? Батогов захотел?!

Разговор оборвался после двух глухих ударов. Я привстал на скамье — обычно с таким звуком падает тело.

— Спаси и сохрани... — засуетилась Яга, вновь подбегая к окошку, — уж не убил ли он их, горемычных? Нет... Вон к колодцу тащит, у сруба положил, щас водой обольет. Глянь-кась, Никитушка, зашевелились!

— Пойду я. Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Как ни верти, а придется за дело браться. Да, а что у нас на обед?

— Пироги с визигой.

— Мм... замечательно! Прибереги, если буду задерживаться. Мне сегодня жалованье получать.

— Ты уж деньги-то, милоч, суй за пазуху подальше, украдут, не ровен час...

— У лейтенанта милиции? Не смейся, старушка! — Быстро захватив в сенях китель и фуражку, я вышел на крыльцо.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здорово, Митяй. Кого это ты там поливаешь?

— Да вон холопы царские. Твою милость видеть хотели. Уж я уговаривал, объяснял, мол, воевода кушать изволит, а они, неслухи, ни в какую! Вынь да положи, а не то, говорят, терем разнесем! Ну уж я так и эдак, и по-хорошему, и с поклонами...

— Брехло ты, Митька, — удовлетворенно крикнул я. — Ладно, поплескай еще, пусть скажут, зачем пожаловали.

Мой напарник от щедрой души вылил по полному ведру воды на каждого. Нарядные гонцы походили теперь на свиней, блаженствующих в луже.

— А... ап... смилуйся, батюшка! Отзови ты, Христа ради, своего ирода. Мы ж по делу...

— Вежливость — превыше всего! — наставительно отметил я. — Вон на воротах расписание висит: прием граждан с девяти ноль-ноль. А сейчас не более половины седьмого. Чего ради волну гнать?

— Так ведь спешное дело, государево, — приподнялся один, а другой так и сидел, раскрыв рот и проверяя пальцем сохранность каждого зуба. — Царь наш просит тебя немедля во дворец идти, у них в казне большая покража обнаружилась. Мало три сотни золотых червонцев как корова языком слизнула!

— Ну уж корова-то здесь точно ни при чем, — буркнул я.

Третья кража за две недели. Предыдущие были не так заметны, и царь не давал им огласки, думая, что сам засунул куда-нибудь ключи и перстень с хризопразом. Значит, допекло его величество...

— Эй, Митяй! Запрягай кобылу, опергруппа, на выезд!

Царский терем был огромен — четыре этажа! В городе, где основная масса изб вообще едва видна от земли, это впечатляло. Дождя, слава богу, давно не было, дорога сухая, и мы добрались сравнительно быстро. Можно было бы и еще быстрее, если верхами, но в здешних краях престиж превыше всего. Как человека, облеченного властью, по вызову батюшки-царя меня всегда доставляли на телеге со специальным подобием кресла. Это мы с Митяем к табуретке спинку приколотили, укутали соломой, прикрыли ковром — получилось не хуже трона. Крестьяне и ремесленники при виде меня, гордо восседавшего на телеге с таким диковинным сиденьем, снимали шапки, кланялись и крестились. У ворот, пугаясь под ногами у невозмутимой стражи, суетился думный дьяк Филимон. Обычно он и отсчитывал мне десять червонцев в месяц, по три раза проверяя и норовя подсунуть старые, затертые. Дьяк был худ, высок, имел бегающие глазки, козлиную бородку и сварливый нрав.

— Где ж тебя черти-то стоко времени носят?! — накинулся он, даже не дожидаясь, пока я слезу.

— А где ваше «Здравствуйте, товарищ участковый»?

— Ну, здравствуй, здравствуй, сыскной воевода. Государь уж истомился весь, кричит, ногами топает, а тебя нет как нет!

— Вы не одни, вызовов полно, людей на все дела не хватает... — привычно забубнил я, но Филимона на мякине не проведешь.

— Хитер ты больно, лейтенант. Гляди, доведешь батюшку — повисишь денек на дыбе, поумнеешь!

При случае обязательно дам ему в глаз, но сейчас не время и не место. Мы поднялись по ступенькам наверх. Царь ждал меня в главном зале на третьем этаже. Когда мы вошли, он мерил комнату шагами от окна до окна.

— Заходи, Никита Иванович... Жду тебя. А ты пошел вон.

— Но батюшка... а как же... кто ж слова твои мудрые записывать будет? Не ровен час, какое слово и утерается.

— Пошел вон! — рявкнул государь, замахаясь на дьяка скипетром, но тот успел выкатиться за дверь.

Да, настроение у его величества не очень. Горох в таком состоянии действительно крутоват и скор на расправу.

— Ограбили меня, — глухо пожаловался он.

— Слышал. Давайте по порядку. — Я присел на скамью и раскрыл планшетку. — Какие ценности пропали?

— А ты не знаешь?!

— Слушайте, кто из нас двоих следователь — вы или я?! — Еще в школе милиции нам вдалбливали в головы — все под запись, все как положено, отчетность и еще раз отчетность. — Спрашиваю второй раз: что пропало?

— Перстень с хризопразом золотой, персидской работы. Сундучок дубовый, уголки да крышка железом резным обиты, в нем монет сотни три, а то и больше... — пустился перечислять царь.

— Минуточку, гражданин! Помнится, на прошлой неделе у вас якобы пропали ключи?

— Ключи-то нашлись, под кроватью у меня валялись, а вот прочего нет.

— Все ясно. Кого подозреваете?

— Да всех! — разгорячился государь. — Ежели ты эту пропажу не найдешь, я тут всю челядь на кол пересежаю! А тебе велю голову отрубить, чтоб впредь не врал, будто воров ловить учен был.

— Ну вы не очень-то... Милицейское управление лучше бы на ноги поставили, а то орете тут! Кто мне под начало тридцать стрельцов обещал? Кто божился ночное конное патрулирование финансировать? А матерьяльная база? Две кобылы да телега! Из всей сыскной бригады — один Митяй. Ну не разорваться же нам обоим!

— Ладно... не сердчай, — отошел Горох, но тут же стукнул кулаком по подоконнику: — А воров все ж таки найди!

— Найду, найду... куда они денутся. Где сундук-то стоял?

— Ясно где — в подвалах, где и прочая казна хранится.

— Мне надо осмотреть место преступления. — Захлопнув планшетку, я поднялся и кивнул царю: — Прошу следовать за мной.

Мы спустились в подвалы. Вход охраняла стража из четырех сменных стрельцов, однозначно утверждавших, что никто из посторонних к государевой казне близко не подходил. Знакомая картинка... Никто ничего не видел, не слышал и вообще не знает,

о чем речь. Пока царь доставал ключи, я внимательно осмотрел здоровенные замки. Никаких следов взлома, если и открывали, то не самодельной отмычкой, а родными ключами. Петли, скобы, кованые гвозди — все настолько надежно, что хоть взрывай, одной фомкой никак не взять. Царь наконец отпер дверь, и мы вошли внутрь. Двое шагнувших следом стрельцов зажгли свечи в высоких подсвечниках. Сравнительно небольшое помещение оказалось чуть ли не под потолок заставлено сундуками, коробами да бочками.

— Тут весь запас — золотой, серебряный и медный. Каменья самоцветные в другом месте держу. Вещи из золота-серебра — тоже.

— А-а, тут, значит, у нас только монеты?

— Только они, — подтвердил государь.

— Это правильно. Личные сбережения нельзя держать в одном месте. Вот еще: кто имеет постоянный допуск к золоту?

— Я, боярин Мышкин, казначей Тюря да дьяк Филимон. Ах вот оно что, — внезапно догадался Горох. — Вот, значит, о ком ты речь-то вел?.. Кого подозреваю, говоришь? Зело умен ты, воевода участковый. Сей же час всех троих на дыбу!

— Э-э-э... Ничего подобного я не говорил! — завопил я, потому как с него станется. С какой скоростью царские палачи выбивают «добровольное признание», не снилось ни одному журналисту, пишущему о беспределе во внутренних органах. — Со всем наоборот. Если сейчас мы арестуем пару невинных, вор успокоится и ляжет на дно. А я хочу, чтобы он от неизвестности занервничал, запаниковал, начал совершать ошибки и выдал себя с поличным.

— Мудрено... На дыбе-то оно побыстрей да понадежней.

— Слушайте, у вас тут есть хоть какое-то понятие о презумпции невинности?

— Будь по-твоему! — решил государь. — Вот тебе сроку — ровно неделя. Сыщи вора! Награжу шубой с плеча и на конную милицию отсыплю. Ну а не сыщешь, так и не взыщи: твоя спина — мой кнут.

Я молча пожал плечами. А что делать? В данной ситуации спорить не приходится... Царь на то и царь, что в любом случае прав.

— Пусть вечером ко мне в управление зайдут все трое. Повестки передать или сами явятся?

— Явятся, куда ж им деться, — многозначительно пообещал царь Горох. — А не пойдут, приведут поневоле!

Домой ехали не торопясь, в размышлении...

— Чегой-то не пойму я, батюшка, ежели, как ты сказал, замки-то не тронуты, у дверей стрельцы с оружием — как же цельный сундук с деньгами уплыл? Нет... Тут дело нечистое, без колдовства не обошлось!

— Наличие элементов колдовства еще доказать надо. Наша с тобой задача — следовать фактам. Факты — штука серьезная, бескомпромиссная, и с ними не поспоришь. А колдовство... Знал бы ты, какие суммы исчезали в наших финансовых пирамидах без всякой магии... Будем действовать по правилам. Надо выяснить, кто конкретно отвечал за подбор охраны, пусть он проверит своих людей. Завтра же еще раз обследовать весь подвал. Там этих сундуков выше крыши! Может быть, еще чего-нибудь пропало, просто в глаза не бросается. Да, сейчас отвезешь меня домой, а сам дуй на базар, бабка длинный список составила — где чего купить. А вечером пойдешь в кабак...

— Благодарствую, воевода-батюшка! — радостно осклабился парень, но я его несколько приспустил с голубых небес на грешную землю:

— Ты смотри у меня! Пей, да знай меру... Если опять на бровях придешь — в поруб посажу, он себя как медвытрезвитель лихо оправдывает. Помни — не просто идешь, а по заданию.

— Вот те крест, не подведу! А тока ежели в кабаке не пить, то какого же рожна мне там делать?

— Ну а ты походи, поприглядывайся, поприслушивайся. Надо выяснить, что об царской краже в народе известно. Что люди болтают. Если вор неопытный — он деньгами сорить начнет, собобщники тоже этим отличаются, может, кто чего спьяну и сболтнет...

— Понял, батюшка. Все как есть исполню, не извольте сомневаться. А ну, пошла! Пошла, залетная!.. Эгей!

Рыжая кобыла пустилась тряской рысью. Митька явно обрадовался заданию. Филерской школы у парня никакой, но учиться надо. Пока еще здесь удастся наладить агентурную сеть... Работаем с чем приходится.

Моя хозяйка ждала у окошка. Увидев нас, всплеснула руками и скрылась в дому. Держу пари, побежала доставать пироги из печки. Я выдал Митьке один золотой червонец (да разве нормальный человек забудет получить у думного дьяка свой кровный оклад?), еще раз наказал, чего купить, и отправил на базар. Бабка покормит его по возвращении. Именно Яга настояла на том, чтобы мы ели отдельно: я в горнице, он в сенях, где и спал.

Зазорно-де воеводе сыскному со своими же холопьями за одним столом сидеть. Уважать не станут. Я махнул рукой — за те два месяца, что здесь живу, знаю — старуха плохого не посоветует!

— Ну заходи, мила-ай... Снимай ботинки свои чудные, запылились небось. Я вон шлепки тебе новые связала. Обед на столе, банька греется...

— Ладно, ладно, и так все расскажу. Времени в обрез, к вечеру царь в управление подозреваемых пришлет. С чем пироги-то?

— А с визигой, как поутру и договаривались. Ты уж садись, касатик, да ешь, вон бледный какой...

Я ополоснул руки и сел за стол. Ну, да тут и кроме пирогов всего полно. Бабка кормит меня как на убой. Люди поговаривали, будто она в столице лишь последние лет десять живет, а до этого в лесу разбойничала. Не знаю... Все возможно. Возраст я у нее не спрашивал, женщина все-таки. Внешне вполне соответствует своему имени — горбата, нос крючком, зубы острые, желтые, на ногу прихрамывает, один глаз голубой, другой фиолетовый. В сенях ступа с помелом, по терему черный кот разгуливает... Да нормально все! Здесь все такие. В лесах лешие, в болотах кикиморы, в речках русалки, а люди живут себе... Я ведь тоже не забиваю этим голову, много думать вредно. У меня моя работа, стабильная зарплата, все льготы, какие захочу, отчего же не жить? Телевизора не хватает...

— Да, тяжелая твоя служба, — сочувственно вздохнула Яга, когда я по ходу разборки с пирогами в общих чертах разъяснил суть дела. — Чем могу — помогу, но ты уж от меня многого не жди — годы не те...

— Бабуля, ты у меня в любом возрасте просто прелесть! Вот Митяй из кабака вернется, мы это жулье быстро переловим. Руки за спину, наручники, телогреечку с номером — и, как водится, по этапу...

— Уморишь ты меня, касатик, — расчихикалась бабка. — Да ты ешь, ешь, а меня слушать и с пирогом во рту можно. Я, слышь-ко, че тебе предлагаю... Как будешь энтих троих на допрос вызывать, ты меня-то из горницы не гони. Я вон в уголке незаметно посижу, носки вязать стану, а сама слушать да примечать. Как кто врать-то начнет, я это враз угляжу! У меня на мужиковскую брехню глаз наметанный...

Я только головой покачал. Да пусть сидит, жалко, что ли? Дело, по первому взгляду, не представлялось слишком сложным. Не много народу могло войти в царское денежное хранилище. Сбежать из города с деньгами практически невозможно: прежде чем

послать за мной, Горох повелел закрыть ворота. Украсть и закопать? Не вижу смысла.

Мне почему-то казалось, что вор обязательно проявит себя. А пока я намеревался вести следствие, как нас обучали в школе милиции. То есть начать с вызова и опроса лиц, имеющих доступ к ограбленному объекту.

В назначенное время у наших ворот появились все. Если бы только те, кого я ждал...

Ох, елки зеленые! Дьяка Филимона сопровождало трое стрельцов с бердышами на изготовку. Казначей Тюря рыдал в обнимку с женой и вопящими детьми. Боярин Мышкин так вообще умудрился приволочь за собой все подворье: жену, ребятишек, престарелых родителей, близкую и дальнюю родню, холопов, бабок, няnek — всех, от последнего служки до первого пастуха. Вой стоял — хоть уши затыкай! За всю мою практику ничего подобного не было. Они же все трое как на казнь собрались. Небось и рубахи чистые надели, и в церковь сходили, и завещание огласили, и милостыню нищим раздали... А на воротах наших уже сидел повсеместно известный юродивый Гришенька, в драной рубахе и с полупудовым крестом на шее, восторженно болтая босыми ногами:

— Вот и суд ваш, кровопийцы! Ужо покажет вам участковый... Никитка-то, он на правез ох как скор! На сажень в землю видит, за версту вора чует. Довольно вам бога гневить, пора и ответ держать!

Толпа откликалась на его митинговые лозунги новыми взрывами стонов и рыданий.

— Гришенька! Смилуйся, помолись перед Господом за нас, грешных, — голосили бабы.

Я начал несколько нервничать. Баба-яга поняла мое состояние с полувзгляда и, быстро убрав со стола, кряхтя, направилась к двери.

— Всех сразу звать али по старшинству?

— Давай по старшинству, — подумав, кивнул я.

Пусть этот противный дьяк помучается в ожидании...

Не знаю, что им там сказала Яга, но крики за окнами стихли так резко, словно всем рты позатыкало. Минуту спустя бабка впустила в горницу дородного бородатого мужчину в дорогих одеждах и высокой бобровой шапке.

— Садитесь, гражданин.

Боярин остался стоять у входа, сверля меня суровым взглядом. Старуха незаметно отплыла в сторону и устроилась в уголке за печью с вязаньем. Я положил на стол планшетку, достал авто-ручку и приступил к планомерному допросу.

— Гражданин Мышкин?

— Бояре мы, — прогудел мужчина.

— Пройдите и сядьте! — повысил голос я. — Пока мы с вами просто беседуем. Не устраивает — можем продолжить в пыточной у Гороха. Я слышал, тамошние палачи — мастера своего дела.

Мышкин вздохнул, хлюпнул носом, подошел и осторожно сел на скамью напротив.

— Продолжим следствие. Ваше имя, отчество, год рождения?

— Афанасий, сын Федоров. Когда родился — не ведаю, про то у попа в книге записано, а нам знать без надобности.

— Ладно, уточним у отца Кондрата, — пометил я. — Что думаете о краже в царской казне?

— А чего ж тут думать? Мы к тому непричастны. Казна, она большая, ежели кто чего слегка и прихватил, так ведь на то и колодец, чтобы пить.

— Ну, если понемногу, то, может быть, и действительно не так заметно. Но в этом случае подобные действия трактуются как «планомерное расхищение государственной собственности». Мы же имеем дело с конкретной кражей. Три сундука с золотом...

— Чего ж это — три?! — аж подпрыгнул Мышкин. — Откуда три-то взялось? Один сундучок всего и был! Неча напраслину на людей возводить...

— А вы откуда знаете, что украден именно один и что именно сундучок, а не ларец, не мешок, не бочонок? — ласково полюбоществовал я.

— Так ведь... это... все вон знают! Ты любого в городе спроси — он те сразу скажет. Земля-то она слухом полнится.

— Допустим... Ну а вот лично вы чем занимались весь вчерашний день?

— Дык... как же... упомнишь тут... — насутился боярин, запуская обе руки в бороду, словно лоя там кого-то. — Спал да ел, по хозяйству холопам дела распределял, во дворец после обеда захаживал, в баньку под вечер, ну и ужин с осетринкой, поросенок с кашей, пироги с ягодой, меду немного...

— Достаточно. А в подвалы, где казна хранится, заходили?

— Нет! Как можно! Не был я там!

— А почему, собственно, нет? Царь Горох утверждал, что вы относитесь к лицам, имеющим допуск в хранилище.

— Бываю там, верно, но редко бываю... Моя служба — стрельцов у входа ставить. Чтоб глядели в оба! А внутрь я не захожу. Что я там, денег не видел?

— Ясно. Значит, вы отвечаете за охрану объекта. Что ж... должен вас огорчить. Раз уж произошла кража, то, найдем мы вора или нет, в любом случае выговор за халатность вам обеспечен.

— Избавь от гнева царского, батюшка сысканой воевода! — неожиданно рухнул на колени перепуганный боярин. — Вовек твоей услуги не забуду. Неповинен, неповинен я! Не губи душу, отпусти на покаяние!

— Встаньте! Сейчас же встаньте, Афанасий Федорович! — вскочил я. — Люди войти могут, а вы тут на коленях ползаете. Что за манеры? Вы в милиции, а не в храме. Встаньте!

— Не губи... В доме семеро по лавкам, жена восьмым брюхатая! — продолжал изливаться Мышкин, не обращая никакого внимания на мои попытки его поднять.

Баба-яга бросила вязанье и поковыляла на помощь.

Боярин надрылся вояю:

— И здоровье не то уже... Почитай что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочки. Им расти, а мне приданое готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю!..

Как мы его в дверь вытолкали — ума не приложу... Японский городской! Если тут каждый будет устраивать подобную истерику, никаких нервов не хватит. А потом говорят, милиция не страдает гражданам... Ну вот посострадайте такому — он из вас веревки вить начнет, а воровать не перестанет. Я выглянул в окно. Боярин Мышкин, рыча, понараздавал оплеух дождавшимся слугам, с трудом взгромоздился на коня и с довольной рожей отправился домой. Толпа родственников, славя Бога и распевая песни, двинулась следом.

— Ну, что скажет наш детектор лжи?

— Врун он, батюшка, — твердо объявила Яга. — Да и трус в придачу. Ты бы проверил еще разок, чего он там наплел.

— Это я и сам мог сообразить. Есть в его болтовне пара несостыковочек... Я-то, признаться, думал, что ты, старая, мне сразу на вора укажешь.

— Так я тебе и указую — вор он! — подтвердила бабка. — Хоть мою голову на плаху клади, а таскал он золотишко из казны. Вот только он ли сундук уволок — о том не ведаю...

— Значит, будем проверять остальных. Казначей у нас за что отвечает?

— Как? А деньги принять, посчитать, разделить, кому в долг, кому на дело, какие налоги где, кто принес, сколько — все казне прибыток.

— Понял. Говоря проще — бухгалтер-экономист, — пометил я. — Ну, с распределением бюджета мы сейчас возиться не будем, это уже финансовой инспекции ближе. Мы его потрясем на предмет банальной кражи. Да, а дьяк-то наш, он что в хранилище делает?

— Пишет, — пояснила Яга, чуть удивляясь моей бестолковости. — Как же можно без дьяка-то? Боярин ли, казначей, а то и сам государь в казну зайти захочет, так дьяк с бумагой да чернилами тут и есть. Записать чего, оприходовать, опись составить, посчитать, жалованье царевым слугам выдавать, да мало ли... Вот Филимон там и трется.

— Уловил. Ну что ж, подруга дней моих суровых, давай следующего.

— Уже бегу, касатик. Сей же час поставлю перед очи твои ясные.

Хорошая у меня бабка, правда?

Тюра оказался человеком скрытным, размытым. На первый взгляд даже не разберешь, сколько ему лет. Кафтан простой, из хорошего сукна, но не новый. Сам лыс, бороденка куцая. Руки мне его не понравились — беспокойные... Пальцы, как белесые черви, так и возятся, ни на минуту не прекращая движения. Когда он вошел и без приглашения сел напротив меня, я нарочито пристально стал рассматривать его лицо, но так и не смог поймать прямого взгляда мутных серых глаз.

— Имя, фамилия, отчество?

— Тюр... и батюшка мой Тюрей был, и дед, стало быть... Казначей я здешний, не помните? А я вот вас, Никита Иванович, не впервой вижу. Вы, видимо, при дворе-то гость нечастый.

— Допустим.

— Ну вот я и гляжу, чем же мне лицо ваше знакомо... Вы, случаем, деньги в казну на сохранение под проценты не сдавали?

— Очень интересно... — От неожиданности я даже перестал записывать. Этот тип откровенно пытался всучить мне взятку!

— Вот ведь что я говорил! — обрадовался мой собеседник, обтирая лысину засаленным рукавом. — Только вы тогда спешили очень и роспись в книге оставить запомнили. Ну да дело молодое, с кем не бывает... Сколь денег-то в том кошельке было?

— Не помню, — поднапрягся я, едва удерживаясь от жгучего желания кликнуть стрельцов. — Но уверен, что сдавал я не кошелек, а сундучок.

**ЗАГОВОР
ЧЕРНОЙ МЕССЫ**

Все началось с того, что в то утро меня опять разбудил петух. В нем вся проблема... Именно из-за этой скотины с гребешком и перьями я регулярно катастрофически не высыпаюсь! Естественно, утро испорчено и настроение на весь день — хуже некуда! Если Яга не внемлет моим стонам и молитвам, я сам его задушу. Или застрелю из стрелецкой пищали (правда, для этого мерзавца надо привязать перед самым дулом, иначе я из этой базуки ни в жисть не попаду). Может, Митьку попросить, он на него медвежий капкан поставит? Нет, нет, нет... О чем это я? Да наш Митяй первым же в этот капкан и угодит. Пусть уж лучше он его так ловит. Представив себе двухметрового парня с квадратными плечами, гоняющего кур по двору Бабы-яги, я невольно улыбнулся.

Прошу прощения, что не представился сразу. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, холост, в политических партиях не состоял, родился и вырос в городе Москве. В настоящее время являюсь главой первого лукошкинского отделения милиции. Лукошкино — это столица нашего царства. Правит здесь царь Горох, очень неглупый мужчина, будет время — расскажу о нем подробнее. Отделение наше расположено в двухэтажном тереме Бабы-яги, где я одновременно и квартирую. Эта милая старушка с горбатым носом и кривыми зубами входит в штат оперативно-следственной бригады, в плане сбора информации — совершенно незаменимый работник. Да еще и приколдовывает иногда. Я раньше сам в это не верил, пока лично не убедился. Ничего, привык... Еще у нас служит Митяй, тот самый герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого. Он сам деревенский, образования никакого, вот и носится на подхвате. Однако все трое мы составляем неплохую рабочую бригаду, заставляя считаться с на-